

УИЛКИ КОЛЛИНЗ

*АРМАДЭЛЬ,
ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ ИМЕНИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К60

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
В. М. Коркоса «Морфинистка», 1889 г.*

Коллинз, Уилки.

К60 Армадэль, или Проклятие имени : [роман] / Уилки Коллинз ; [перевод с английского]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 832 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-163676-0

На смертном одре Аллан Армадэль признается в письме сыну, что много лет назад он убил человека. Человека, который носил одно с ним имя; человека, который был его другом, но стал врагом; человека, чей сын назван в честь отца, как и сын умирающего. Долгие годы эта смерть тяготила и преследовала Армадэля, и, опасаясь проклятий неискупленной вины и повторения трагедии, он заклинает сына никогда не встречаться с тезкой.

Сбудется ли зловещее предзнаменование, когда через двадцать лет — судьба или случайность? — пути молодых людей пересекутся, а коварная незнакомка в красной шали станет причиной цепи загадочных событий, где есть место интригам, романтическому соперничеству, шпионажу и даже сверхъестественному?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-163676-0

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ПРОЛОГ

ГЛАВА I

Путешественники

На вильдбадских водах открылся сезон 1832 года.

Вечерний сумрак начал собираться над спокойным немецким городком; дилижанса ждали каждую минуту. Перед дверью главной гостиницы ожидали приезда первых посетителей сезона три главных лица в Вильдбаде со своими женами: бургомистр — представитель жителей, доктор — представитель вод, трактирщик — представитель своего собственного заведения. За этим избранным кружком в опрятном маленьком сквере перед гостиницей собрались городские жители, смешавшись с поселянами в их причудливых немецких костюмах. Все ожидали дилижанса: мужчины — в коротких черных куртках, узких черных панталонах, в треугольных поярковых шляпах; женщины — с длинными светлыми косами, в коротких шерстяных юбках, корсажи которых скромно закрывали шею. За этими группами резвились полненькие, белоголовые ребятишки. Таинственно отделившись от остальных жителей, музыканты собрались в уголке и ждали появления первых посетителей, чтобы приветствовать их первой серенадой в этом году. Свет майского вечера еще мелькал на вершине больших лесистых холмов, возвышавшихся над городом с правой стороны и с левой. Холодный ветер, начинавшийся перед закатом солнца, доносил благоухание сосен из Шварцвальда.

— Господин трактирщик, — сказала жена бургомистра, величая хозяина гостиницы его полным титулом, — к вам будут какие-нибудь иностранцы в этот первый день сезона?

— Госпожа бургомистерша, — отвечал трактирщик, платя ей за комплимент, — я жду двоих. Они написали, — один рукою слуги, другой, кажется, собственной своей рукою, — чтобы приготовить комнаты для

них. Они оба из Англии, как я сужу по их именам. Однако, если вы попросите меня выговорить их имена, язык мой запнется; если же вы попросите меня сложить их, вот они: буква по букве, первое и второе по тому порядку, как они приедут. Первый знатный иностранец, по титулу мистер. Имя его состоит из восьми букв: А, р, м, а, д, э, л, ь; он больной и едет в собственной карете; второй знатный иностранец, по титулу также мистер. Имя его состоит из трех букв: Н, и, л; он едет больной в дилижансе. Его превосходительство из восьми букв пишет ко мне рукою слуги, по-французски; его превосходительство из четырех букв пишет мне по-немецки. Комнаты для обоих готовы. Больше я не знаю ничего.

— Может быть, — наемкнула бургомистерша, — вы, доктор, слышали об этих знаменитых иностранцах?

— Только об одном, и то не от него самого. Я получил известие от доктора его превосходительства из восьми букв, и болезнь его, кажется, неизлечима. Бог да поможет ему!

— Дилижанс! — закричал ребенок из толпы.

Музыканты схватили свои инструменты, и везде водворилась тишина. Вдали, в гуще леса, в вечерней тишине раздался слабый звук колокольчиков. Какой экипаж приближался: собственная ли карета мистера Армадэля или дилижанс с мистером Нилом?

— Играйте, друзья мои! — закричал бургомистр музыкантам. — Публичный или частный это экипаж — это первые больные в нынешнем сезоне. Пусть они найдут нас веселыми.

Оркестр заиграл веселый танец; дети в сквере топали ножками под музыку. В ту минуту родители их, стоявшие у двери гостиницы, расступились и обнаружили первую мрачную тень, спустившуюся на веселость и красоту этой сцены. В проход, сделанный с каждой стороны расступившейся толпой, последовала процессия дородных поселянок; каждая везла за собою пустое кресло на колесах,

каждая ждала с вязаньем в руках несчастных, раз-

4 битых параличом, приезжавших раньше сотнями

и приезжающих теперь тысячами на вильдбадские воды для облегчения.

Пока оркестр играл, пока дети танцевали, пока голоса разговаривавших звучали все громче, пока сильные молодые сиделки ожидаемых калек вязали, ненасытное женское любопытство обнаружилось в жене бургомистра. Она отвела трактирщицу в сторону и задала ей вопрос:

— Скажите мне хоть слово об этих двух иностранцах из Англии: говорилось ли в их письмах, что с ними будут дамы?

— С тем, который приедет в дилижансе, — нет, — отвечала трактирщица, — но с тем, который приедет в своей карете, — да. Он приедет с ребенком, он приедет с нянькой и, — заключила трактирщица, искусно скрывая главное в ответе на вопрос, — он приедет с женой.

Бургомистерша просветлела; докторша, участвовавшая в разговоре, просияла; трактирщица значительно кивнула. В уме всех трех промелькнула одна и та же мысль в эту минуту: «Мы увидим моды!»

Через минуту началось внезапное движение в толпе, хор голосов провозгласил, что путешественники близко.

В это время дилижанс уже был виден, и всякое дальнейшее сомнение исчезло. Дилижанс приближался по длинной улице, которая вела к скверу, дилижанс, восхитительно выкрашенный желтой краской, дилижанс, привозивший первых посетителей сезона к дверям гостиницы. Из десяти путешественников, вышедших из среднего и заднего отделения дилижанса, приехавших из разных частей Германии, троих вынесли на руках и посадили в кресла на колесах, на которых повезли в квартиры, нанятые для них в городе. В переднем отделении сидели только два пассажира: мистер Нил и его слуга. Опираясь на чужие руки с каждой стороны, иностранец — болезнь которого состояла в хромоте одной ноги — успел спуститься со ступенек дилижанса довольно легко. Пока он утверждался ногами на мостовой с помощью своей палки, не слишком ласково смотря на музыкантов, которые угощали прибывших вальсом из оперы

«Вольный стрелок», его наружность несколько охладила энтузиазм кружка, собравшегося встретить его.

Это был худощавый, высокий мужчина средних лет, с холодными серыми глазами и с длинной верхней губой, с нависшими бровями и выдававшимися скулами, человек, казавшийся именно тем, кем он был — шотландцем с головы до ног.

— Где хозяин этой гостиницы? — спросил он очень свободно по-немецки и с ледяной холодностью в обращении. — Позовите доктора, — сказал он, когда трактирщик представился ему. — Я хочу видеть его сейчас.

— Я здесь, — сказал доктор, выходя из дружеского кружка. — Я к вашим услугам.

— Благодарю, — сказал мистер Нил, смотря на доктора, как все мы смотрим на собаку, которая является на наш свист. — Я буду рад посоветоваться с вами завтра утром в десять часов о моей болезни. Теперь же я побеспокою вас поручением, которое я взялся вам передать. Мы перегнали дорожный экипаж одного господина англичанина, который, по-видимому, опасно болен. Дама, которая едет с ним, просила меня немедленно увидеться с вами по приезде и попросить вас помочь вынести больного из кареты. С курьером их что-то случилось, и они оставили его на дороге; они принуждены ехать очень медленно. Если вы будете здесь через час, вы успеете их принять. Вот то поручение, которое мне дали к вам. Кто этот господин, который, по-видимому, с таким нетерпением желает говорить со мной? Бургомистр? Если вы желаете видеть мой паспорт, мой слуга покажет вам. Нет? Вы желали встретить меня и предложить ваши услуги? Мне это чрезвычайно лестно. Если вы можете приказать оркестру перестать играть, вы делаете мне одолжение: мои нервы раздражительны, а музыки я терпеть не могу. Мне не нужна вашей руки, я могу взойти наверх с помощью моей палки. Господин бургомистр и господин доктор, мы не должны задерживать друг друга долее. Желаю вам спокойной

6
ночи.

И бургомистр, и доктор посмотрели вслед шотландцу, когда он, прихрамывая, поднимался по лестнице, и покачали головою с безмолвным неодобрением. Дамы по обыкновению сделали шаг далее и открыто выразили свое мнение самыми бесцеремонными словами. Этот человек имел дерзость пройти мимо, не обратив на них никакого внимания. Бургомистерша приписывала подобное оскорбление только врожденной свирепости дикаря. Докторша смотрела на это еще строже и считала такой поступок врожденной грубостью свиньи.

Ночь тихо спускалась на холмы. Звезды появились одна за другой, и первые огни замелькали в окнах гостиницы. Когда наступила темнота, последние группы встречавших разошлись из сквера. Могущественное безмолвие Шварцвальда воцарилось над долиной и как бы заставило смолкнуть уединенный городок.

Шли часы, и только фигура доктора, с беспокойством ходившего взад и вперед, мелькала в сквере. Прошло немало времени, прежде чем первые звуки, раздавшиеся в ночной тишине, дали ему знать о приближении экипажа. Медленно, как крестьянские дроги, въехал он в сквер и остановился у дверей гостиницы.

— Доктор здесь? — спросил женский голос по-французски из темной глубины кареты.

— Я здесь, — отвечал доктор, взяв свечу из рук трактирщика, отворяя дверцу кареты.

Первое лицо, на которое упал свет, было лицо говорившей женщины, молодой черноволосой красавицы, в черных глазах которой сверкали слезы. Второе лицо принадлежало морщинистой старой негритянке, сидевшей напротив дамы, на передней скамейке. Третье было лицо ребенка, спящего на коленях негритянки. Быстрым и нетерпеливым движением дама сделала негритянке знак выйти с ребенком из кареты.

— Пожалуйста, отведите их в наши комнаты! — сказала она трактирщице.

Сама дама вышла, когда ее просьба была исполнена. Тогда огонь в первый раз осветил задний угол кареты и четвертого путешественника.

Он лежал на тюфяке, его длинные и растрепанные волосы выбивались из-под черной ермолки; глаза, широко раскрытые, тревожно бегали по сторонам; само же лицо его, неподвижное и темное, казалось окаменелым, невозможно было понять, что оно выражает, каким оно было прежде. Глядя на мертвенное лицо путешественника, нельзя было и составить представления о его летах, звании, характере и наружности, которые он имел до болезни. Это было следствие поразившего его паралича. Глаза доктора скользнули по ногам, и паралич отвечал: я здесь. Глаза доктора, внимательно поднимавшиеся выше, задержались на мускулах рта, и паралич отвечал: я подвигаюсь.

При виде столь страшного и беспощадного бедствия ничего нельзя было сказать. Женщине, которая стояла и плакала у дверей кареты, можно было предложить только безмолвное сочувствие.

Когда больного несли на тюфяке через переднюю гостиницы, его блуждающие глаза встретились с глазами жены. Они остановились на ней на миг, и в это мгновение он заговорил:

— Где ребенок? — спросил больной по-английски, медленно и трудно произнося слова.

— Ребенок наверху, — отвечала жена слабым голосом.

— Моя письменная шкатулка?

— Она у меня в руках — посмотри! Я никому ее не доверила; я берегу ее для тебя.

Он закрыл глаза в первый раз после прибытия и не сказал ничего более. Осторожно отнесли его наверх. Жена шла по одну сторону, доктор, хранивший молчание, — по другую. Трактирщик и слуга, следовавшие сзади, видели, как дверь комнаты открылась и затворилась за ними, слышали, как дама истерически зарыдала, как только осталась одна с доктором и больным. Доктор вышел через полчаса. Его лицо было очень